ных, 28 октября 1941 года без суда был расстрелян по преступному предписанию Берия, а враги народа Кобулов и Влодзимирский в 1942 году задним числом сфальсифицировали заключение о расстреле Рычагова, заведомо ложно указав в нем, что предъявленное ему обвинение доказано.

Дело Рычагова Павла Васильевича Прокуратурой СССР прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления и он посмертно реабилитирован.

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 131–133. Подлинник. Машинопись.

№ 27

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ А. В. КОСАРЕВА[57]

4 августа 1954 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР рассмотрено дело по обвинению бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева Александра Васильевича и установлено.

Косарев еще в период работы врага народа Берия в Грузии считал, что в руководстве партийными органами он проводит неправильную линию, о чем и говорил в узком кругу комсомольских и партийных работников. Об этом 21 ноября 1937 года дал показания арестованный бывш[ий] начальник Политотдела Закавказской железной дороги Арутюнов С. А. (копия протокола его допроса приобщена к делу по обвинению Косарева).

Арутюнов показал, что в 1934 году Косарев, Салтанов, Гобечия, Георгий Твалчрелидзе, Жоржоладзе и Амвросий Рамишвили, находясь в Первомайской гостинице г. Москвы, критиковали выступление Берия по вопросу об искажении истории компартии Грузии, причем Косарев утверждал, что Берия притесняет старых большевиков, имея в виду Ф. Махарадзе и Миха Цхакая.

Об этих высказываниях стало известно Берия, в связи с чем Косарев пытался выяснить у Арутюнова, кто сообщил Берия о разговорах, имевших место в гостинице.

При расследовании дела Багирова была допрошена жена Косарева – Нанейшвили М. В., которая заявила, что ее муж считал Берия человеком нечестным, способным на любую провокацию и в качестве примера приводила случай компрометации бывшего полномочного представителя ОГПУ в Закавказье Реденса.

Нанейшвили также показала, что в начале 1937 года Косарев приехал с Багировым к себе на дачу в Волынское и за ужином провозгласил тост: «За настоящее партийное руководство в Закавказье, которого сейчас там нет...» Багиров ничего не ответил и затем уехал.

Вскоре после этого, как показывает Нанейшвили:

«... муж, придя с работы и будучи расстроенным, рассказал мне, что Багиров сообщил Берия о содержании тоста, произнесенного у нас за ужином. По словам мужа, на каком-то совещании он встретился с Берия, который обиженным тоном стал выяснять, почему муж не считает его, Берия, настоящим партийным руководителем.

Попытка мужа сначала отрицать этот случай, а затем как-либо его смягчить оказалась безрезультатной, так как Берия сообщил, что ему все известно со слов Багирова...»

При допросе Багиров не отрицал посещения дачи Косарева, но заявил, что содержания произнесенных последним тостов он не помнит.

О переходе Берия на работу в НКВД СССР Нанейшвили узнала раньше Косарева и когда ему об этом сообщила, то, по ее словам, он очень расстроился и был испуган.

28 ноября 1938 года Берия лично явился на квартиру Косарева, арестовал его и произвел обыск.

В момент прощания с мужем, по приказанию Берия, была арестована и Нанейшвили, хотя в отношении нее никаких компрометирующих данных не было.

Расследование по делу Косарева Берия поручил бывшему заместителю начальника следчасти Шварцману (арестован) – фальсификатору следственных дел.

На первом допросе 28 ноября 1938 года и последующих очных ставках с другими арестованными Косарев категорически отрицал обвинение в «изменнических делах...» и «предательской работе против партии и государства...», высказывал надежду, что в его деле разберутся, и признал себя ответственным лишь за отдельные ошибки, допущенные при подборе и выдвижении комсомольского актива.

Как показал Шварцман, Берия, узнав об этом, приказал применить в отношении Косарева меры физического воздействия и добиться от него признания. Косарева жестоко избивала группа следователей под руководством врага народа Влодзимирского, причем, как заявил Шварцман:

«... арестованный, поняв безвыходность своего положения, согласился давать показания о своей вражеской работе...»

Установлено, что составленный после избиений Косарева протокол его допроса от 5 декабря 1938 года, подписанный Берия и Шварцманом, сфальсифицирован, так как первые его пять страниц перепечатаны из протокола допроса Косарева от 28 ноября 1938 года, когда он отрицал обвинения, а затем уже добавлены показания о признании им своей вражеской деятельности.

Эту фальсификацию признал и Шварцман, объяснив, что она произведена по предложению Берия и для того, чтобы в инстанции (куда была послана копия протокола), «... видели процесс активного изобличения Косарева...»

В результате избиений и пыток Косарев признал себя виновным в том, что являлся руководителем контрреволюционной право-троцкистской организации в комсомоле, где и проводил террористическую и шпионскую деятельность.

О надуманности и неправдоподобности «признания» Косарева свидетельствуют его показания в протоколе от 5 декабря 1938 года. На вопрос, какими средствами проводилась им подрывная работа, Косарев ответил:

«... мы вели работу по политическому разложению комсомола, притуплению его боевых качеств, разбуханию и засорению его рядов, сведению на-нет идейно-воспитательной работы, вместо чего поднимали на щит гармошку и галстух*, направляли внимание молодежи в сторону культурничества, отвлекая ее от насущных политических задач дня.

Мы выдвигали к руководству комсомолом наших сторонников, враждебных партии и ведущих борьбу с ней, сеяли в рядах молодежи недовольство существующим положением в стране и формировали кадры, готовые в нужный момент к открытой вооруженной борьбе против советской власти...»

Конечные цели «вражеской работы» Косарева в протоколе допроса сформулированы так:

«... свержение советской власти, восстановление капитализма в стране, приход к

* Так в тексте. – Сост.

руководству блока из правых и троцкистов, включая в этот блок антисоветские силы и нас, представителей контрреволюционной молодежи...»

Шварцман признал, что он с врагом народа Кобуловым избивали бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Пикину В. Ф. (ныне реабилитированную) с целью получить от нее показания о вражеской деятельности Косарева. Такие же требования к Пикиной предъявлял и лично Берия.

Пикина 29 апреля 1954 года показала:

«В конце допроса Берия мне сказал, чтобы я дала показания на Косарева, как на врага народа. На это я ответила, что ложных показаний о Косареве я дать не могу...

На второй день я была вызвана Кобуловым, который мне сказал, что арестованы мой отец, мать и ребенок, что „вы должны спасти их и себя“ и требовал от меня дать показания на Косарева...»

Однако Пикина ложных показаний о Косареве не дала.

Неправдоподобность «признания» Косарева была очевидна и самому Шварцману, что видно из его же показаний от 28 июля с.г.:

«В результате расследования и общения с Косаревым у меня не сложилось убеждения о причастности его к шпионажу и террору. По этой причине запись показаний по этим обвинениям ... я производил так, чтобы несостоятельность этих обвинений была более или менее очевидна.

Опять-таки по этой причине я стремился при записи показаний Косарева избегать упоминания лиц, не арестованных и не осужденных во избежание новых арестов по делу...»

Однако, несмотря на все это, дело по обвинению Косарева с обвинительным заключением, утвержденным врагом народа Кобуловым, было направлено на рассмотрение в Военную Коллегию Верх[овного] Суда СССР. В судебном заседании Косарев признал себя виновным, подтвердил свои показания, данные на следствии, и 23 февраля 1939 года по приговору суда был расстрелян.

Тот факт, что Косарев не заявил о самооговоре, избиениях и пытках, можно объяснить только тем, что Берия и Шварцман прибегли еще и к обману, т. е. обещали сохранить Косареву жизнь в случае подтверждения им своих вымышленных показаний на суде. По этому поводу Шварцман дал следующие показания:

«... При вызове Косарева до или после заседания Военной Коллегии Верх[овного] Суда СССР, не помню, я, вопреки существовавшему порядку, сам дал Косареву бумагу и предложил написать заявление о сохранении ему жизни на имя Берия ... Такое заявление было Косаревым написано и его я лично, минуя непосредственных начальников, доложил Берия. Однако Берия, прочитав заявление, выругался, просьбу Косарева отклонил, а заявлению дальнейшего движения не дал...»

Впоследствии Берия и его сообщники по сфальсифицированным материалам репрессировали жену Косарева – Нанейшвили М. В. и его дочь (когда она через 10 лет после ареста отца достигла совершеннолетия).

В настоящее время эти лица полностью реабилитированы.

Таким образом, приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что Берия расправился с Косаревым как с неугодным и опасным для него человеком.

Полагал бы принести протест о прекращении дела Косарева для посмертной его реабилитации.

Прошу Ваших указаний[58].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 135–140. Подлинник. Машинопись.

№ 28

ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС В ЦК КПСС О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ ПО СПЕЦПОСЕЛЕНИЮ С РАСКУЛАЧЕННЫХ И ГРАЖДАН НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ, ОТКУДА ВЫСЕЛЕНИЕ НЕ ПРОИЗВОДИЛОСЬ

11 августа 1954 г.

ЦК КПСС

На спецпоселении в Коми АССР, Алтайском крае, Кемеровской, Курганской, Мурманской, Тюменской и Херсонской областях находится 12 508 человек бывших кулаков, выселенных из районов сплошной коллективизации в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1931 года[59].

К началу 1941 года в местах поселений их находилось 930 221 человек.

После окончания Великой Отечественной войны по отдельным постановлениям Совета Министров СССР в 28 республиках, краях и областях ограничения по спецпоселению с бывших кулаков были сняты. Преобладающее количество освобожденных из спецпоселения осталось на постоянное жительство в пределах мест поселений.

Совет Министров Коми СССР, обком КПСС и областной Совет депутатов трудящихся Кемеровской области, на территории которых расселено около 10 тысяч бывших кулаков, ходатайствуют об освобождении их из спецпоселения.

В связи с этим Комиссия просит рассмотреть вопрос о снятии с бывших кулаков ограничений по спецпоселению.

Кроме того, на учете спецпоселения состоит 75 226 человек немцев – местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, откуда выселение немцев не производилось, и 34 665 человек немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, но не подвергавшихся выселению.

Преобладающее большинство немцев – уроженцев и жителей местностей, откуда выселение не производилось, на учете спецпоселения не состоит. Так, в Омской области из 46 386 немцев на учет было взято 1142 человека, в Алтайском крае из 17 567 человек – 1130, а в Чкаловской области из 14 300 – всего 399.

В результате этого создалось такое положение, когда в семье местного немца часть ее членов взята на учет спецпоселения, а другая часть на учете не состоит.

Учитывая, что бывшие кулаки на спецпоселении находятся длительное время, полностью включились в хозяйственную и культурную жизнь и прочно обосновались в новых местах жительства, а местные и мобилизованные в промышленность немцы выселению не подвергались, по месту своего постоянного жительства имеют собственные дома и приусадебные участки, Комиссия просит рассмотреть вопрос о снятии с учета спецпоселения бывших кулаков, выселенных в 1929–1933 годах, местных немцев и немцев, мобилизованных в период Отечественной войны для работы в промышленности, уроженцев и жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, откуда выселение их не производилось.

Р. Руденко
С. Переверткин
И. Серов
П. Кудрявцев

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 136. Л. 2–3. Копия. Машинопись.